

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ

Е. Н. КИРИЛЛОВА

ВДОВЬЕ ПРАВО

В РЕМЕСЛЕННЫХ И ТОРГОВЫХ КОРПОРАЦИЯХ РЕЙМСА В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ¹

Ключевые слова: социальная и экономическая история; раннее Новое время; ремесленные и торговые корпорации; вдовье право

Аннотация: В статье сравнивается положение мастера и его вдовы, продолжавшей дело мужа после его смерти. Вдовье право не ограничивалось профессиональными требованиями к женщине, и хотя возможности получить представления о ремесле у нее были, нормой было и воспринималось отсутствие у вдовы профессиональных знаний. Вследствие этого она, в отличие от мастера, была ограничена в возможности работать самостоятельно и в возможности обучать новых специалистов.

В основе этого исследования лежат положения о вдовьем праве в ремесленных и торговых корпорациях, позволяющие сопоставить права и возможности вдовы, продолжавшей после смерти мужа держать мастерскую и заниматься ремеслом, с правами мастера. Источниками послужили регламенты корпораций Реймса с середины XV по конец XVIII в., а также ремесленные регламенты второй половины XVII–XVIII вв., действие которых распространялось на всю территорию Французского королевства, в том числе на Реймс.

Прежде всего, несколько слов о численности корпораций и количестве работавших вдов. В известных списках мастеров, составленных при утверждении регламентов или по другим поводам, женщины разного статуса упоминаются довольно регулярно, хотя

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Гендерное измерение социальных трансформаций: от Средневековья к Новому времени» по программе ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

списки нередко носили ситуативный характер и потому были неполными. Они могли включать только присутствовавших при составлении регламента; те же, кто в этот момент был в отъезде или по иным причинам не смог или не пожелал участвовать, не обязательно упоминались. С XVII в. списки мастеров стали более регулярными и полными. Они предоставлялись властям (бальи реймского архиепископа, бальи Вермандуа или его наместнику) и во множестве сохранились в архивах: в регистрах, как приложение к регламентам и в качестве отдельных документов, не всегда датированных. Как показывают списки, доля вдов и самостоятельных мастериц в общей численности мастеров, входивших в профессиональные сообщества, составляла от 3 до 20%, в отдельных, исключительных случаях — 33–55%².

Наиболее полны и точны списки XVIII в. «Список сообщества мастеров бочаров города и пригородов Реймса» 1751 г.³ содержит пометки, сделанные человеком, осведомленным о фактическом положении каждого из 170 мастеров, рядом с именами которых было записано «полный» («plein», обычно сокращенно — «р»), и таких мастеров было 25, или «половина» («moitié» — «m») — 45 человек. В корпорации бочаров было 10 вдов, что соответствовало 6% численности корпорации. Все они обладали «половинным» статусом, составляя более трети таких мастеров — 38%. Скорее всего, речь идет не о том, что два бочара, обладавших «половинным» статусом, соответствовали одному «полному мастеру», но имеются в виду суммы регулярных взносов в общую казну, являвшиеся важной характеристикой положения мастера — члена профессионального сообщества.

---

² Вдовы составляли 33% от общей численности изготовителей шерстяной кисеи в 1710 г. (*Varin P. Archives législatives de la ville de Reims. P., 1847. Pt. 2. Statuts. Vol. 2. P. 226, Not. 1. P. 227. Not.*); в корпорации колпачников в 1576 г. было 55% вдов и самостоятельных мастериц (26% и 29% соответственно) (*Ibid. P. 278–279*). В XVII–XVIII вв. женщины составляли 10% в корпорациях Руана: *Haftel D.M. Strategies pour un emploi: travail féminin et corporations à Rouen et à Lyon, 1650–1791 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2007–1. О женщинах в реймских ремесленных и торговых корпорациях см.: Кириллова Е.Н. Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII веках. М., 2007. Гл. VI.*

³ Афиша «Rolle de la communauté des maistres tonneliers de la ville et fauxbourgs de Reims de l'année 1751»: *Archives Municipales et Communautaires de Reims. Fonds ancien. (Далее — AMR. FA.) C. 686. Liasse 7. Suppl. XVII.*

1778 годом датируется список купцов, входивших в объединенное сообщество суконщиков и купцов-мерсье⁴. В числе 112 человек, заявивших, что они собираются продолжить дело, упомянуты девять вдов и семь самостоятельных женщин. Еще пять вдов названы во втором списке, среди 33 человек, не сделавших заявления, но фактически продолжавших работать. В этом списке были приведены лишь фамилии, и потому неизвестно, были ли среди них еще женщины, кроме указанных пяти вдов. Среди 145 человек, занимавшихся торговлей в 1778 г.⁵, 14 вдов — это почти 10%, 7 самостоятельных купчих — почти 5%, вместе они представляли шестую часть корпорации (14,5%). Среди 240 мастеров, занимавшихся в 1789 г. производством ткани, налоговый список называет 12 вдов⁶, что соответствует 5% от общей численности мастеров.

Вдовье право в ремесленных и торговых корпорациях. В уставах вдовье право записано следующим образом: вдова может продолжать дело своего мужа, держать мастерскую и лавку и продолжать работать, пользуясь такими же правами и привилегиями, какими пользовался ее муж при жизни. Подобная формула, с некоторыми вариациями, содержится в 47 текстах из рассматривавшихся 70 первых, вторых и третьих редакций уставов. При этом несомненно, что мастера, входившие в раннее Новое время в одну и ту

---

⁴ Афиша «Tableau des Agrégés à la Communauté des Marchands merciers-drapiers de la ville et fauxbourgs de Reims, qui ont déclaré qu'ils entendoient continuer leur commerce comme avant l'Edit du mois d'Avril mil sept cent soixante-dix-sept. Pour l'année 1778»: AMR. FA. C. 678. Liasse 7. Suppl. II. Купцы-мерсье (marchands merciers) — влиятельные негоданты, занимавшиеся исключительно оптовой торговлей. Реймские купцы претендовали на контроль над самыми разными товарами, главными из которых были ткани, предметы роскоши, а также изделия из металла, книги, бумага и множество других товаров. В XVII в. в Реймсе в одну с ними корпорацию входили также коробейники, мелкие торговцы галантерейным товаром.

⁵ В том же году был опубликован порядок прохода ремесленных и торговых корпораций во время торжественной процессии в день Тела Господня (афиша и брошюра: «Liste des Communautés, Arts et Métiers qui doivent faire porter des Flambeaux à la Procession Générale du Clergé de la ville de Reims, le jour de la Fête du Saint Sacrement, avec le nombre de Flambeaux qu'elles feront porter, suivant l'ordre qui sera observé dans la marche»: AMR. FA. C. 680. Liasse 7. Suppl. VI). Купцы, принадлежавшие к объединенному (с 1704 г.) сообществу суконщиков и мерсье, занимали второе место и несли 8 факелов.

⁶ Histoire de Reims / Sous la dir. de P. Desportes. Toulouse, 1983. P. 217.

же корпорацию, имели разные права и привилегии, которые они и оставляли своим женам. Вдова могла — и должна была — унаследовать конкретный статус мужа, а не вообще все те права мастера, которые могли быть прописаны в регламенте и ордонансах.

Регламенты XVIII в. предпочитают обращаться к «мастерам, держащим лавку». Именно они являлись полноправными членами профессионального сообщества: из их числа выбираются присяжные, именно у них была возможность участвовать в разделе сырья и т.д. По уставу булочников 1743 г., присяжным мог быть назначен только мастер, уже 10 лет держащий лавку⁷, что существенно уточняло характеристику присяжных как опытных, честных и наиболее именитых мастеров сообщества. Статус мастера-владельца лавки достигался в том числе и дополнительным взносом. Такое правило действовало у литейщиков в 1737 гг. и булочников в 1743 г.⁸ Колпачники (уставы 1706 и 1735 гг.) разделяли «мастеров, не имеющих лавки»; «мастеров, работавших для других мастеров»; и сыновей мастера, не достигших 22 лет. Ни тех, ни других, ни третьих не звали на общие собрания, а только на торжественные мессы, на заупокойные службы и похороны. Для сыновей мастера это объясняется тем, что им не следует терять время, отведенное на учебу. Остальные не должны были оставлять свою работу. Мастера, которые не держали лавку, платили лишь половину регулярных взносов сообществу, «в соответствии с обычаями ремесла»⁹. Так, сумма взноса в общую казну корпорации отражала степень полноправности мастера.

То, что в регламенте вообще присутствует объяснение, уже свидетельствует о нестандартности ситуации для тех, кто составлял текст. Но предложенное обоснование неправомерно: общие собрания обычно устраивались лишь раз в год, преимущественно для выборов присяжных, и их «отвлекающий» потенциал не так уж и велик, даже меньше, чем у месс, похорон и заупокойных служб, от которых все эти категории мастеров не отстранялись. Неучастие в

---

⁷ «Les jurés seront personnes connues pour avoir de l'expérience et de la probité, et seront choisis entre les plus notables des maîtres de la communauté; et nul maître ne pourra être nommé juré qu'il n'ait exercé la maîtrise au moins pendant dix ans, boutique ouverte»: *Varin P.* Op. cit. P. 153. V ст.

⁸ *Ibid.* P., 1852. Pt. 2. Statuts. Vol. 3. P. 353-354. XVI ст. В уставе литейщиков 1701 г. такого правила еще не было. Булочники: *Ibid.* Vol. 2. P. 157. XVIII ст.

⁹ *Ibid.* P. 288. XXIV ст.

собраниях, на которых могли быть обсуждены и приняты важные для всей корпорации решения, скорее подчеркивало более низкий статус таких мастеров.

В последних статьях регламентов колпачников, без уточнения, о каких категориях членов корпорации идет речь, сказано, что «все мастера этого состояния, от которых не смогли ничего получить в качестве их части расходов, которые надлежит делать для сообщества, будут исключены из всех собраний, а также активных и пассивных голосований при обсуждениях»¹⁰. То есть мастера, не имевшие возможности заплатить взносы в корпорацию (не уточнено, какого размера взносы — полные или половину, или же имелись в виду разовые, нерегулярные выплаты), лишались права участвовать в общих собраниях и влиять на принимаемые решения. Так что в реальности категорий и степеней «полноправности» мастеров могло быть еще больше, чем зафиксировал устав.

Разница в фактическом положении мастеров воспринималась как норма и не препятствовала тому, чтобы всех их продолжали называть мастерами ремесла, добавляя к этому более или менее развернутые определения и устанавливая ограничения для одних категорий и преимущества для других. Известно, что мастер-повар, не державший лавку и работавший на другого, не имел права взять ученика (1757 г.)¹¹. «Мастера мясники, не держащие прилавок» (1737 г.), не могли покупать в городе товары, относившиеся к их профессии, если не имели на то распоряжения мастера или мастерицы или не были их представителями¹². А поставщики мяса в городские больницы могли превышать установленные недельные нормы забоя скота в два или четыре раза¹³, в отличие от всех остальных мясников.

Кроме указанной в статьях о вдовьем праве «точки отсчета» — прав и привилегий мужа, существенной характеристикой статуса вдов был размер их взносов в общую кассу профессионального сообщества. Ремесленные и торговые корпорации не всегда имели право устраивать такую кассу и собирать средства для ее пополнения, однако в раннее Новое время это их право было уже практически бесспорно. Касса складывалась счет регулярных поступлений от

¹⁰ Ibid. P. 290. XXXVII ст.

¹¹ Ibid. Vol. 3. P. 502. XXVII ст.

¹² Ibid. P., 1844. Pt. 2. Statuts. Vol. 1. P. 992. XXIV ст.

¹³ Ibid. P. 991–992. XIV, XV ст.

мастеров и вдов, вступительных взносов учеников, мастеров и подмастерьев, отчислений от штрафов. На эти средства корпорация создавалась и платила налоги королю, вела свои текущие (и профессиональные, и религиозные) дела, отстаивала свое место и сферу своего влияния, в том числе в суде.

Вдовы, как и мастера, обязаны были платить регулярные взносы в общую кассу корпорации. В Реймсе известно четыре случая, когда взносы вдов были такими же, как и у остальных мастеров, они относятся к XVI — началу XVIII вв.: это сапожники (1571 г.); починщики обуви (1571 г.); купцы бакалейщики (1692 г.); аппретурщики тканей (кроме сукна) 1703 г.¹⁴ И такое же правило было прописано в регламенте 1725 г. для цирюльников, работавших в городах и местечках королевства¹⁵. Вдовы свечных мастеров (1733 г.); басонщиков и пуговичников (1736 г.) должны были полностью, как и все остальные мастера, платить за регулярные досмотры мастерских, совершаемые присяжными¹⁶. В сумме получаем шесть или семь случаев, включая общефранцузский регламент цирюльников, действовавший в Реймсе.

Взносы вдов, соответствовавшие половине взноса мастера, зафиксированы у столяров (1684 г.); шляпников (1700 г.); колпачников (1706 и 1735 гг.); портных и старьевщиков (1716 г.), мясников (1737 г.), веревочников (1736 г.), поваров (1757 г.)¹⁷. Всего насчитывается 8 случаев, по 7 профессиям, (как и для равных взносов), и все они относятся к концу XVII—XVIII вв.

На основе этих данных можно заключить, что многое определялось профессией и сложившимися в ней обычаями, и потому далеко не во всех регламентах размеры регулярных взносов, уплачиваемых вдовами, считали нужным зафиксировать.

Возможность сопоставить положение вдов и мастеров дают три из перечисленных в последнем списке устава: колпачников 1706 и 1735 гг. и мясников 1737 г. Регулярные взносы вдов в этих корпорациях равны половине взноса мастера, точно соответствуя сумме, ко-

---

¹⁴ Ibid. Vol. 2. P. 257. [XV] ст.; P. 261. [XV] ст.; P. 984. XIII ст. Vol. 3. P. 123–124. II ст.

¹⁵ Ibid. P. 205. XV ст.

¹⁶ Ibid. P. 234. XII ст.; P. 298. XI ст.

¹⁷ Ibid. Vol. 2. P. 351. LV ст.; P. 208. XIII ст.; P. 288. XXII, XXIV ст.; P. 520–521. VIII ст. Vol. 1. P. 991. VII ст. Vol. 2. P. 215. VII ст. Vol. 3. P. 501. XIX ст.

торую уплачивали мастера, не имеющие лавки. Это наглядно демонстрирует независимость взноса вдовы от состояния дел до смерти ее мужа-мастера, от наличия или отсутствия у него мастерской. Соотнесение же со статьей о вдовьем праве столь же наглядно свидетельствует о не замеченном создателями регламентов и не замечаемом членами корпорации противоречии: наследовались не «те же самые право и привилегии», которыми обладал муж¹⁸, а его статус мастера; право же и привилегии вдовы были иными. Соответствовал ли размер регулярных взносов статусу, как и для мастеров-мужчин, или меньший размер взносов следует рассматривать как облегчение для вдов? В регламентах нет сведений, позволяющих уточнить участие вдов в общих собраниях, в голосованиях и выборах, в разделе сырья, и сравнение вдов с мастерами требует обратиться к другим вопросам, прежде всего, профессиональным.

Уровень профессиональных знаний вдовы. Вдовье право не ограничивалось и не определялось никакими профессиональными требованиями к женщине: становясь по сути мастерицей, вдова не обязана была доказывать свою профессиональную состоятельность. Возможности получить более или менее глубокие представления о ремесле у нее были: она могла происходить из семьи мастера и до замужества обучаться ремеслу у отца; могла учиться в другой семье, особенно если была сиротой; могла помогать мужу в лавке или мастерской, приобретая некоторые знания и представления о ремесле¹⁹.

¹⁸ Регламенты колпачников: «les veuves qui voudront continuer l'état et métier de bonnetier, jouiront des mêmes droits et privilèges que lesdits défunts leurs maris, tant qu'elles resteront en viduité»: Ibid. Vol. 2. P. 283. VIII ст. В уставе мясников нет отдельной статьи о вдовьем праве.

¹⁹ *Любарт М. К.* Семья во французском обществе. XVIII — начало XX в. М., 2005. С. 153–154, 193; *Репина Л. П.* Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. С. 75–80; *Она же.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 183–192; *Опитц К.* Как жили в позднем средневековье // История женщин на Западе: в 5 т. / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. СПб., 2009. Т. II: Молчание Средних веков / Под ред. К. Клапиш-Зубер. Пер. с фр. С. 292–301; *Хафтон О.* Женщины, труд и семья // История женщин на Западе. СПб., 2008. Т. III: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / Под ред. Н. Земон Дэвис, А. Фарж. Пер. с англ. С. 33–37, 41–46, 55–58; *Crowston C.H.* L'apprentissage hors des corporations. Les formations professionnelles alternatives à Paris sous l'Ancien Régime // Annales. Histoire, Sciences sociales. № 2. Mars–

Однако ни одно ремесло не требовало, чтобы вдова обладала профессиональными знаниями на уровне мастера и тем более — чтобы она доказала это, выполнив шедевр, выдержав экзамен, пройдя испытание или проверку. Нормой было и воспринималось отсутствие у вдовы профессиональных знаний.

Каким же образом должна была выполняться работа? С середины XV в. в регламентах появляется требование, чтобы в мастерской вдовы работал подмастерье или слуга, знающий ремесло. Всего известно 26 таких случаев, все они представлены в таблице: в 12-ти текстах не уточнялось возможное число работников, в 14-ти оно было названо — один или два.

профессия / год	подмастерья / работники	ученики
цирюльники-хирурги 1462	«подмастерья»	
аптекари 1552	«подмастерья и слуги», проходят испытание	
суконщики 1569	1 подмастерье	возможность доучить
веревочники 1571	1 или 2 подмастерья, завершивших обучение	
сапожники 1571	1 подмастерье	
починщики обуви 1571	«подмастерья»	
изготовители шерстяной кисеи 1571	1 или 2 слуги, завершивших обучение	
перчаточники 1574	1 слуга, который был в обучении три полных года (= срок обучения)	
колпачники 1581	«слуги, знающие ремесло»	
ткачи полотна 1581		«с учениками, которые были у мужа», может брать новых учеников
шорники 1581	«слуги»	
изготовители горчицы 1582	1 подмастерье	
изготовители седел, каретники 1592	«слуги»	
изготовители шелк. изделий 1600		могут доучивать
стригальщики сукна	«способные слуги»	

avril. 2005. P. 415; *Robin-Romero I.* Les orphelins de Paris: enfants et assistance aux XVIe–XVIIIe siècles. P., 2007. P. 199–234.

профессия / год	подмастерья / работники	ученики
1603		
обивщики 1616	«слуги и подмастерья, способные и опытные в ремесле»	
печатники, 1623:	«подмастерья»	«и ученики, завершающие обучение»
портные 1628	1 подмастерье и 1 мальчик, доучивающийся ученик	могут доучивать
купцы-мерсье 1639		могут доучивать
токари 1642	работники и «подмастерья, завершившие срок своего обучения»	
слесари 1646	1 «слуга, опытный и знающий», присяжные должны счесть его достойным	
изготовители сукна, саржи и шерстяной кисеи 1666		может доучивать, если только присяжные не посчитают, что ученику лучше доучиться у другого мастера
красильщики всей Франции 1669		могут доучивать
производство сукна, саржи и других тканей всей Франции 1669		могут доучивать
столяры 1684	1 подмастерье	
колбасники и сосисочники 1685		могут доучивать («вдова имеет право обязать ученика служить ей...»)
бакалейщики 1692		могут доучивать
шляпники, 1700		могут доучивать
медники 1701	1 подмастерье	
литейщики 1701	1 подмастерье	могут доучивать
аппретурщики тканей (кроме сукна) 1703		могут доучивать
колпачники 1706	«со своими детьми или способными и сведущими в ремесле подмастерьями»	могут доучивать; штраф за нового ученика — 25 турецких ливров
слесари 1708	1 «слуга, знающий и опытный», его представляют присяжным, он проходит испытание	не могут доучивать

профессия / год	подмастерья / работники	ученики
изготовители шерстяной кисеи 1710	«подмастерья, завершившие обучение ремеслу»	
портные и старьевщики 1716	2 мальчика	могут доучивать
свечные мастера 1733		могут доучивать
колпачники 1735	«со своими детьми или способными и сведущими в ремесле подмастерьями»	могут доучивать; штраф за нового ученика — 25 турецких ливров
басонщики 1736		могут доучивать
веревочники 1736	2 подмастерья	могут доучивать
литейщики 1741	1 или 2 подмастерья	могут доучивать
ножовщики 1739		могут доучивать
булочники 1743		могут доучивать
повара, торгующие жареным мясом 1757		могут доучивать

Для подмастерьев существовало особое испытание. Оно не давало возможности стать мастером, поскольку не приравнивалось к шедевру, но давало право работать в мастерской вдовы. Таких случаев три, и относятся они к двум ремеслам. В регламенте реймских аптекарей 1552 г. (взявших парижский устав 1536 г.) было записано: «подмастерья и слуги, призванные вдовами, чтобы заниматься аптекарским искусством во время их вдовства», будут испытаны двумя докторами медицины и присяжными, не как для шедевра, но чтобы убедиться, что умеют и знают²⁰. Второе ремесло — слесари (устав 1646 г.): слуга, опытный и знающий, будет представлен вдовой присяжным в течение двух недель, а если не будет сочтен достойным, его не примут, и вдова не может работать, пока его не примут²¹. Во всем корпусе источников лишь слесари указали подобное временное ограничение: главной опасностью, с точки зрения ремесленного сообщества и для общественного мнения, представлялась неквалифицированная работа в таком тонком и опасном (в криминальном плане) ремесле. В 1708 г., при утверждении новой редакции устава, указанный запрет был снят, но появи-

²⁰ AMR. FA. C. 680. Liasse 7. Suppl. IX. Fol. 6; *Prevet F.* Les statuts et règlements des apothicaires. Textes intégraux, accompagnés de notes critiques. P., 1950. Т. II. P. 89.

²¹ *Varin P.* Op. cit. Vol. 2. P. 601–602. [XXI.] ст.

лось требование испытать работника (*serviteur*), «который будет принят компаньоном, изготовив замок в полтора оборота»²² — выполнив нечто вроде шедевра, который не давал права стать мастером, но давал право работать подмастерьем. Можно предположить, что испытания и проверки должны были бы быть более традиционными и более частыми²³, а записывали их для тех ремесел, где недостаток знаний и опыта могли быть опасны.

Еще один важный момент, касающийся таких подмастерьев и не проявившийся в реймских текстах, но известный, в частности, по уставу парижских бакалейщиков и аптекарей 1638 г., — клятвы. Вдовы бакалейщиков и аптекарей, решившие продолжить работу, обязаны были нанять знающего и опытного слугу, кандидатура которого должна была быть одобрена присяжными. Затем вдовы и слуги должны были принести клятву «хорошо и верно приняться [за] изготовление и заниматься сбытом и продажей указанных товаров и хранить наши настоящие ордонансы»²⁴. Она сходна с вступительной клятвой нового мастера²⁵, которая означала начало работы в профессии, в то время как клятва вдовы и ее слуги связана с продолжением работы, с пролонгацией прежнего статуса мастера («точно также, как могли делать их мужья при жизни»), которая «производилась» другими людьми. Один из них (вдова) обладал статусом мастера, второй (слуга) — профессиональными знаниями. В итоге весьма похожая на клятву мастера клятва вдов и слуг сократилась почти на треть. Частично — за счет того, что были сняты буквальные повторы: «настоящие ордонансы» вместо ордонансов полиции и уставов; «указанные товары» вместо «изделий, от него

²² Ibid. P. 595. XVI ст.

²³ Известно, например, правило, что вдова должна была представить работника присяжным и получить их согласие. Так, в уставе реймских портных 1628 г. (в основе которого лежит парижский регламент 1619 г.) было сказано, что работника и мальчика (слугу) должны утвердить присяжные, «чтобы предотвратить злоупотребления»: Ibid. P. 511. [X] ст.

²⁴ *Prevet F.* Op. cit. T. III. P. 278–279. 14 ст.

²⁵ «Хорошо и верно приняться за дело указанного искусства и торговли, [за] изготовление, сбыт и продажу изделий, от него зависящих, хранить и соблюдать ордонансы полиции и уставы ононого [искусства]»: *Varin P.* Op. cit. Vol. 2. P. 277. 8 ст. Отдельные статьи этого устава см.: Французские ремесленники и торговцы / Пер. с франц., комм. Е.Н. Кирилловой // Гендерная история Западной Европы. Хрестоматия. Кн. VIII. XVII в. М., 2009. С. 265–269.

зависящих». Из содержательных изменений отметим отсутствие выражения «за дело указанного искусства и торговли» в клятве вдов и слуг, что, вероятно, и отражало отсутствие «вступления» в профессиональное сообщество. Исчез глагол «соблюдать» по отношению к ордонансам и уставам (осталось — «хранить» ордонансы), хотя в процессе работы и вдовы, и их слуги были обязаны не только хранить, но и в точности соблюдать все правила и установления. Все сокращения в клятве вдов и слуг «отсылают» к клятве, принесенной мастером, работают на ее подтверждение и подчеркивают повторность новой клятвы.

Не очевидна степень обязательности: *могут* вдовы брать работников или же они *обязаны* это делать? Встречается выражение «могут иметь лишь»²⁶, что скорее говорит об ограничениях, чем о привилегированности. Однако в подавляющем большинстве случаев речь идет именно о праве вдов, и чаще всего фраза о подмастерьях и слугах выступает частью конструкции о вдовьем праве: «вдовы смогут держать лавку и работать в ремесле с помощью подмастерья» или «имея (в своем распоряжении) слугу». Таким образом, наличие знающего ремесла работника логически сочетается с наличием мастерской и возможностью заниматься ремеслом.

Выражения, обязывающие вдову взять помощника, использованы в единичных случаях: у слесарей (у аптекарей в уставе 1552 г. нет отдельной статьи о вдовьем праве) и у столяров (устав 1684 г.)²⁷.

Вызывает вопросы и термин «слуга» (*serviteur*). Рядом с «подмастерьем» (*valet, compagnon*) и по контрасту с ним слуга представляется неквалифицированным или малоквалифицированным работником. А такое понимание термина «слуга» разрушает самую основу представления о вдовах как не обладающих знанием ремесла. Действительно, в мастерской два человека — вдова и слуга, и если слуга не знает ремесла, его должна знать вдова, иначе мастерская не сможет функционировать. Однако почти во всех текстах слуга, как и

²⁶ Регламент портных 1628 г.: *Varin P.* Op. cit. P. 511. [X] ст.

²⁷ «et à condition néanmoins qu'elles seront obligées, pour la conduite de leurs ouvrages et boutique, de prendre un bon compagnon expert au fait dudit mestier»: *Ibid.* P. 351. LV ст.

подмастерье, определяется как человек, знающий ремесло, чье обучение уже завершено, то есть предположение о возможном неквалифицированном работнике при обладающей профессиональными знаниями хозяйке мастерской (вдове) не проходит.

Следует в то же время учесть, что для обозначения подмастерьев каждый из регламентов обычно применяет только один термин. И лишь в двух уставах — шорников 1581 г., изготовителей седел и каретников 1592 г. — для работников и помощников использованы два различных термина. В статьях о вдовах — «слуга» (*serviteur*); в других статьях — «подмастерье»: *compagnon* у шорников и *valet* у седельщиков. Однако ни тот, ни другой тексты не позволяют однозначно противопоставлять слуг подмастерьям как неквалифицированных работников квалифицированным. Скорее здесь следует предполагать интерполяции в уставах, но можно усматривать и разные традиции наименования помощников, работающих у мастера или у мастерицы и потому выполняющих разную работу и, соответственно, занимающих разное место в мастерской.

Передача профессиональных знаний. В мастерской вдове могли помогать не только подмастерья или слуги, но и ученики, которые переходили к вдове после смерти мужа вместе с мастерской и со всем, что в ней было. Что происходило с ними в профессиональном плане?

Обычно вдова имела право доучить учеников, начавших обучение у мастера, и регламенты не считали нужным уточнять, кто на самом деле будет заниматься такими учениками: вдова или ее подмастерье, и предполагалась ли на этом этапе передача новых профессиональных знаний или только закрепление знаний и навыков, полученных ранее от мастера.

Всего для Реймса известно 22 случая, когда регламенты утверждали за вдовой право доучивать учеников ее мужа — тех, которые были его учениками на момент его смерти, и немного меньше, если считать профессии, а не регламенты. Категорически запретили вдовам доучивать только слесари (устав 1708 г.) — вдова обязана была передать ученика другому мастеру²⁸.

---

²⁸ Ibid. P. 595. XVII ст. В предыдущем их уставе 1646 г. эта статья отличается исключительным своеобразием: ничего не говорилось об обязательности дальнейшего обучения у вдовы или у другого мастера, было лишь сказа-

В общецфранцузских регламентах зафиксировано право вдовы доучить учеников, находившихся в обучение у ее мужа на момент его смерти²⁹. Здесь, как и в реймских текстах, не оговаривался срок, который такие ученики должны были бы провести у мастера, прежде чем иметь возможность перейти в категорию «тех, кто доучивается». Именно опасение получить мастера, практически не обучавшегося у настоящего специалиста, и вызывало редкие запреты доучивать и традиционные — брать новых учеников.

Итак, вдова не имела права принимать новых учеников, и это кардинально отличало ее от мастера. Среди всех реймских ремесел лишь ткачи полотна (1581 г.) допускали, что вдова может принять новых учеников после того, как прежние доучились свой срок³⁰, что несомненно объясняется спецификой профессии, которой владели и нередко профессионально занимались женщины. Зато колпачники (уставы 1706 и 1735 гг.) не просто запретили брать новых учеников, но даже установили за это большой штраф в 25 турецких ливров³¹. И поскольку почти всякое правило основывалось на соответствующем казусе, можно утверждать, что вдовы колпачников все же рисковали принимать новых учеников, что опять же было связано со спецификой ремесла — мастера вязали колпаки, чулки, варежки, перчатки, митенки и другие изделия, что относится к числу традиционных для женщин занятий, и именно в этой реймской корпорации было более 50% женщин (в 1576 г.)³². В уставах 1706 и 1735 гг., в статье о полу-

---

но, что наследники умершего мастера должны представить его учеников присяжным в течение двух недель после его смерти, и если присяжные не сочтут их достойными, они не будут приняты в мастера: Ibid. P. 602. [XXIII] ст. Из чего можно сделать вывод: если присяжные находили такого ученика достаточно подготовленным, он получал уникальную возможность стать мастером, не доучившись полагавшихся ему трех лет.

²⁹ Регламент красильщиков 1669 г.: Ibid. P. 906–907. XCIII ст. Производство сукна, саржи и других тканей всей Франции 1669 г.: Recueil des reglements generaux et particuliers concernant les manufactures et fabriques du royaume. T. I. P., 1730. P. 296. L ст. В действовавших во всем королевстве регламентах музыкантов 1658 г. и цирюльников 1725 г. нет статей о вдовьем праве.

³⁰ Varin P. Op. cit. Vol. 2. P. 300-301. XXII ст.

³¹ Ibid. P. 283. VIII ст.

³² Об этом ремесле см.: Кириллова Е.Н. История о не-гендерном конфликте (реймские колпачники в 1576–1581 гг.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2004. № 7. С. 117–129.

чении метризы (права заниматься ремеслом) законнорожденными сыновьями мастера даже встретилось выражение: «если они обучались профессии у своих отца и матери»³³. Но его можно трактовать двояко: и как признание профессиональной компетенции женщин, владевших ремеслом и умевших самостоятельно научить ему детей, и как выражение, синонимичное слову «семья».

Термин «ученик», как и «слуга», имел разные значения. У ткачей полотна в 1581 г., например, «учениками» (*apprentis*) названы и те, кто обучался ремеслу, и те, кто, зная ремесло, нанимался к мастеру на работу, и кого следовало бы определять как подмастерьев.

Не всегда у вдовы оставались все ученики ее мужа. Так, в регламенте суконщиков 1569 г. говорится о возможности доучить одного ученика, хотя у мастера их могло быть и два³⁴ — и неизвестно, что происходило со вторым учеником. Подобные ситуации могли иметь место и в других корпорациях, особенно когда мастер имел право брать следующего ученика за год или за пол года до окончания обучения предыдущего, что было записано во многих уставах.

В регламентах обозначены две возможности разрешения подобных казусов. Прежде всего, это отсылка к мнению присяжных, которые могли посчитать, что ученикам лучше доучиться в другом месте. Такое правило было установлено в регламенте изготовителей сукна, саржи и шерстяной кисеи 1666 г.³⁵ При этом в предыдущем их регламенте 1664 г. вообще не оговорено, что происходило с учеником в случае смерти мастера, принявшего его в обучение. Ученик не имел права покинуть дом мастера без уважительной причины и без его письменного согласия, не доучившись свои три года. И только если мастер прекращал заниматься ремеслом, тогда ученик мог доучиться у другого мастера³⁶. Регламент 1664 г. был не первым для этого профессионального сообщества (1292, 1340, 1569, 1572, 1599, 1618 гг.), насчитывавшего в то время 215 мастеров, и потому «исчезновение» весьма актуальной нормы и ее трансформация в 1666 г. в правило о мнении присяжных не могли

---

³³ «ou qu'ils aient fait la profession chez leurs pères et mères»: *Varin P.* Op. cit. Vol. 2. P. 284. XIII ст.

³⁴ *Ibid.* P. 198. XXI ст.; P. 196. IX ст.

³⁵ *Ibid.* P. 683. XVI ст.

³⁶ *Ibid.* P. 799. X ст.

не быть связаны с ситуацией, сложившейся в этой активно развивавшейся отрасли реймской экономики, нуждавшейся в квалифицированных работниках.

Второй вариант — добровольный отказ вдовы от ученика, обучавшегося у ее мужа. Так, стригальщики, пропаривальщики, катальщики, прессовщики, каландровщики и аппретурщики тканей (кроме сукна) в уставе 1703 г. записали, что вдова может предпочесть передать ученика другому мастеру, входившему в корпорацию, но не останавливались на причинах подобного решения³⁷.

Оба варианта, предполагая в качестве оправдания профессиональную некомпетентность вдов, являются ущемлением их прав и преимуществом для мастеров-мужчин, тем более, что, как хорошо известно, в последние годы или месяцы своего обучения ученик, являясь уже квалифицированным работником, представлял в этом качестве большой интерес для возможных работодателей. Несомненно, что вопрос об учениках, на любом этапе их обучения, был принципиально важен для ремесленных и торговых корпораций, как и вопрос об имени и статусе мастера.

Во второй половине XVII–XVIII вв. в реймских ремеслах стали встречаться «*одадживание*» вдовами имени и клейма, сдача имени *внаем*. В новом регламенте булочников и кондитеров 1743 г. в добавление к традиционной статье о вдовьем праве было сказано, что вдова может пользоваться правом метризы исключительно сама, а не для других, одолжив (ссудив) свое имя или сдав его *внаем*³⁸. Это означает, что были случаи, когда вдова решала не заниматься ремеслом³⁹, а предоставляла свое имя и свое право на ремесло — бесплатные для нее — человеку, который таким правом не обладал и, по всей вероятности, не мог его обрести иным способом⁴⁰, за что вдова

³⁷ «l'apprentif pourra continuer son apprentissage chez la veuve, si mieux n'aime en faire remise à un autre maître de la communauté pour achever son temps»: Ibid. Vol. 3. P. 126. XIII ст.

³⁸ Ibid. Vol. 2. P. 158–159. XXIX ст.

³⁹ Что происходило со вдовами не только булочников, см.: Кириллова Е. Н. Отказ от ремесла: мотивы, последствия, предположения // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2009. Вып. 70 (1–2). С. 253–254.

⁴⁰ Только для того, чтобы избежать опасности, купцы-бакалейщики (устав 1692 г.) могли пользоваться чужим именем и чужим клеймом, обязательно и заранее, до прибытия товаров, предупредив должностных лиц сообщества о

получала особую плату. Работавший у вдовы подмастерье также пользовался ее именем и ее правом на работу, но при этом вся его трудовая деятельность происходила в ее мастерской. Подобное положение вещей считалось нормой, независимо от степени участия вдовы в работе. Так, парижские аптекари и бакалейщики в 1638 г. запрещали вдовам «уступить свою лавку какому-либо слуге, если они действительно не проживают в домах и лавках со слугой», и если торговля, оптовая или розничная, не ведется от их имени⁴¹. Здесь же, видимо, речь идет о пространственном разделении: мастерская (комната?), в которой работают, не принадлежит вдове и находится не в том доме, которым она владеет и в котором живет⁴².

Во-вторых, в классическом варианте вдова, как хозяйка всего дела, получала все доходы от него и, соответственно, несла все расходы. У столяров (1684 г.): вдова была обязана предоставлять работникам дерево, инструменты и пропитание, как это делал при жизни ее муж. При «одадживании» имени она получала оговоренную сумму или процент, в любом случае — не весь доход (таким же образом она могла бы сдать помещение).

В регламенте реймских сапожников и починщиков 1774 г. есть подобное правило о недопустимости «одадживания», и относится оно не только ко вдовам, но и к мастерам⁴³. Уточняется, что имена (и право заниматься ремеслом) заимствовали компаньоны, желавшие «работать в своих комнатах» — те, кто не имел ни мастерских, ни лавок и не вступал в корпорацию.

Напротив, устав цирюльников всего королевства 1725 г. разрешал сдавать привилегии внаем. При перечислении лиц, у которых проводят досмотры прево-синдики (должностные лица) корпорации, упомянуты мастера, вдовы и «наниматели» (*locataires*)⁴⁴. Собственник привилегий не был обязан проживать вместе с тем, кому он их сдал, но не имел права работать в ремесле под угрозой

подобных обстоятельствах, под угрозой весьма серьезного наказания — лишения метризы, объявления товаров «иностранными» и 50 ливров штрафа: *Varin P.* Op. cit. Vol. 2. P. 987. XXII ст.

⁴¹ *Prevet F.* Op. cit. Т. III. P. 278–279. 14 ст.

⁴² В регламенте столяров 1684 г., например, в конце традиционной статьи о вдовах сказано, что те обязаны лично находиться в том месте, где работает их подмастерье: *Varin P.* Op. cit. P. 351. LV ст.

⁴³ *Ibid.* P. 248. XII ст.

⁴⁴ *Ibid.* Vol. 3. P. 209. XXXVIII ст.

лишения привилегий и 100 ливров штрафа. Наниматель привилегий в течение недели регистрировался в особом регистре в канцелярии первого хирурга, платил сообществу 4 ливра под угрозой штрафа в 20 ливров, и не мог пересдавать полученные права без письменного согласия их собственника⁴⁵.

Статус мастера соответствовал вполне определенному «объему» привилегий, который выступал здесь объектом сделки — договора найма. Рамки, установленные для собственника и для нанимателя привилегий, заданы корпоративным характером собственности, и демонстрируют ограниченность рынка услуг и рынка сбыта в раннее Новое время, как и способы контроля над ними: место, занятое нанимателем, не могло больше служить своему владельцу, но и наниматель обладал лишь правом пользования, не получая права распоряжения взятыми внаем привилегиями. Подобная манера распоряжения правами и привилегиями в XVIII в. представлялась приемлемой в масштабах государства, или точнее — с позиции центральной власти, не «видевшей» разницы между привилегиями ремесленника и многими другими привилегиями, с которыми такие действия производились. Однако в реймских корпорациях в XVIII в. такое отношение к корпоративным привилегиям полагалось недопустимым. Их не считали возможным «отделять» от человека, имевшего на них право, независимо от жизненных обстоятельств (таких, например, как болезнь, немощность — о них даже не упоминают) и, несмотря на отдельные казусы, явно известные и булочникам, и сапожникам, а оба реймских примера относятся к довольно многочисленным специальностям⁴⁶.

Все вышесказанное относилось к текстам, упоминавшим о подмастерьях, рабочих или помощниках у вдовы, которые составляют немногим больше половины от общего числа уставов, содержащих статьи о вдовьем праве (см. таблицу выше). Такие статьи без каких-либо упоминаний о помощниках есть у реймских мясников (1467 и 1737 гг.), булочников и кондитеров (1561 и 1743 гг.), изготовителей шелковых изделий (1600 г.), обивщиков мебели (1616 г.), купцов-мерсье (1639 г.) и мерсье, объединивших-

⁴⁵ Ibid. P. 209–210. XXXIX–XL ст.

⁴⁶ В 1571 г. в Реймсе было 79 сапожников и 55 починщиков обуви: Ibid. P. 238–239. При утверждении нового регламента 1743 г. присутствовали и расписались 28 булочников и кондитеров: Ibid. P. 161–162. Not.

ся с суконщиками (1704 г.), колбасников и сосисочников (1685 г.), бакалейщиков (1692 г.), аппретурщиков тканей (кроме сукна, 1703 г.), свечных мастеров (1733 г.), басонщиков и пуговичников (1736 г.), ножовщиков (1739 г.), поваров, торгующих жареным мясом (1757 г.), сапожников и починщиков (1774 г.).

Вообще не упоминают о вдовах мастеров кожевники и дубильщики кожи (1535 г.), шляпники (1570 и 1630 гг.), пряничники (1571 и 1708 гг.), корзинщики (1588 г.), сукноделы (1599 г.), бочары (1606 г.), изготовители режущих инструментов (1612 г.), каменщики (1625 и 1730 г.), булавочники (1635 г.), кузнецы (1644 г.), монетчики (1725 г.), хотя во всех этих корпорациях, кроме последней, где работали только и исключительно мастера-мужчины, нет и, видимо, не могло быть запрета вдовам работать. Вдовы присутствуют в списках бочаров, пряничников, изготовителей режущих инструментов и торговцев скобяными изделиями; каменщики упоминают о похоронах мастериц. Женщины не «исчезли» от того, что о них ничего не написали в регламентах, однако причины их отсутствия в текстах заслуживают внимания.

Одно из возможных объяснений — отсутствие противоречий между существующими обычаями и практикой, отсутствие конфликтов, с наибольшей вероятностью побудивших бы составителей регламентов к записи соответствующих норм. Из чего логически следует возможность признания профессиональной компетенции женщин и возможность их равенства с мастерами-мужчинами, применительно к конкретным ремеслам и на определенных этапах их истории: статусного равенства, признаком которого служат равные взносы, и профессионального, соответственно — право обучать «с нуля». И те, и другие примеры известны в Реймсе. Несомненно, что логические построения, основанные частично на нормативных актах, могут как приближать исследователя к реальности, так и выстраивать между ними дополнительные барьеры. Преодолению этого служат сведения, почерпнутые из источников другого рода, в том числе — из списков мастеров, хотя одних только списков недостаточно.

Исследование показало, что представление о вдове как номинальном мастере — мастере «по статусу», но не специалисте, соответствует ситуации, лучше всего прописанной в источниках, по-

скольку она была чревата конфликтами и наиболее опасна для профессионального сообщества и для общества в целом. Такая ситуация вынуждала к установлению ограничений, создававших неравенство людей, обладавших одним и тем же статусом — статусом мастера, что противоречило сути и духу корпораций как объединения равных. С другой стороны, принять подобное решение было тем проще и «естественней», что «профессионально» неравными в его результате оказывались люди, и без того неравные — мужчина и женщина. Установление профессиональной дифференциации в зависимости от пола и вне связи с профессиональными качествами произошло в самом начале истории ремесленных и торговых корпораций, и к раннему Новому времени воспринималось как норма. Точнее все же — как одна из норм жизни профессионального сообщества, поскольку существовала и другая традиция — отсутствие ограничений для вдов, продолжавших заниматься ремеслом, что было продемонстрировано на конкретных примерах, показательных тем более, что они относятся к поздней истории корпораций и к городу, в котором не было исключительно женских корпораций (в отличие от ряда других французских городов). Этот вариант нормы слабо прослеживается по регламентам, что никак не может свидетельствовать против него, так как нормативные акты призваны были фиксировать ограничения, и в меньшей степени — безусловные права.

*Кириллова Екатерина Николаевна
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
ученый секретарь ИВИ РАН
Институт всеобщей истории РАН
Тел.: 7 (495) 938-06-70; E-mail: kkirilova@mail.ru*